

СПЕЦИФИКА ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

С точки зрения эзотериков, о возвышенном, священном, сокровенном следует говорить только при определенных обстоятельствах и перед определенной аудиторией. Академическая же наука изымает эзотеризм из его «естественной» сокровенной среды и делает объектом беспристрастного исследования. В ходе такого исследования неизбежно возникает вопрос о специфике эзотерического знания. Ответ на этот вопрос приводит нас к построению своего рода «метатеории» эзотерического знания.

Итак, что же такое эзотерическое знание? Является ли оно знанием о некоей загадочной эзотерической действительности? Или это совокупность каких-то эзотерических познавательных инструментов, методик, техник, которые можно направлять в какую угодно сторону с одинаковым успехом, поскольку, независимо от их направленности, бьющий из них эзотерический свет автоматически выявит истинные смыслы объектов? Или же, наконец, эзотерическое знание – это особым образом устроенное знание, опираясь на которое люди, которых называют эзотериками (или которые сами называют себя так), интерпретируют окружающую их действительность?

На первый из этих вопросов следует ответить отрицательно. Дело не в том, что не следует доверять заявлениям эзотериков о познании ими неких таинственных законов, лежащих в основе процессов мироздания. Проблема состоит в том, что при подобном раскладе «эзотерическая действительность» оказывается некой вещью-в-себе, доступной только такому исследованию, которое производится через следование практике самих же эзотериков. Тогда она не может стать полноценным научным объектом, дистанцированным от связанных с ней переживаний. Иными словами, мы никак не сможем ни проверить, ни опровергнуть истинность высказываний эзотериков, и нам неизбежно придется принять вместе с ними «факт» «эзотерической» действительности. Она существует непонятно как, в непонятном соотношении с «экзотерической» действительностью, но существует. Если же учесть, что сами эзотерики весьма значительно расходятся в интерпретации этой самой «эзотерической» действительности, мы не сможем провести обобщающий анализ и прийти к некоему единому для всех эзотерических традиций знаменателю. Потому что различные адепты будут понимать под эзотерической действительностью различные сущности. Вынося же за скобки туманное понятие эзотерической действительности, мы перестаем и ориентироваться на так понятое эзотерическое знание.

Но тогда, может быть, эзотерическое знание представляет собой совокупность определенных эзотерических когнитивных методов, владея которыми, *любой* образованный человек, независимо от того, эзотерик он или нет, в состоянии постичь те или иные глубокие истины? Однако, смещая сущность эзотеризма в область его инструментария, мы на самом деле

стираем границы между эзотеризмом и всем тем, что в него не вписывается. Вряд ли уместно говорить о каких-то специальных эзотерических приемах и практиках. Безусловно, в различных эзотерических традициях существуют свои излюбленные практические способы, проверенные веками, вроде медитативного погружения, возвышенной молитвы, кропотливого анализа тех или иных текстов, манипуляций с буквами и числами и т. п. Но в таком случае любая религиозная или психотехническая практика, и, более того, любое изучение чего бы то ни было автоматически становится эзотерическим.

Остается третий вариант, и именно его мы и намерены считать окончательным. Итак, наш тезис состоит в том, что эзотерическое знание – это особая, сложно организованная когнитивная база, или информационная система, элементы которой позволяют его носителю адекватно и логично, с его точки зрения, интерпретировать действительность. Только благодаря наличию эзотерического знания действительность и становится эзотерической для эзотерика. Заостряя этот тезис, скажем, что именно эзотерическое знание и является стержнем эзотеризма как такового. Ведь от того, какой характер имеет информационный комплекс того или иного человека, зависит сам образ его действий.

***

Эзотериков часто упрекают в непоследовательности, излишнем доверии к мифам и намеренном конструировании таковых, неверифицируемости основных посылок, переносе частного на целое, противоречивости и бездоказательности суждений, мировоззренческой «каше» и прочих «грехах». Все это правильно – но правильно только с точки зрения, внеположной эзотерическому дискурсу и занимающей конкретную аксиологическую позицию. Эта точка зрения, присущая многим ученым и философам, да и просто людям *common sense*, имплицитно предполагает, что эзотеризм претендует на то, чтобы называться *научной дисциплиной*, и поэтому должен, дескать, оправдывать свое высокое название. Провал же такого рода оправдательных попыток в свете точного, экспериментально подтвержденного знания расценивается как доказательство никчемности эзотерических построений и всего эзотеризма в целом. Во многом в подобном пренебрежительном отношении «эзотерической общественности» виноваты и сами эзотерики, которые вот уже более двух с половиной тысяч лет, начиная с Пифагора, неустанно твердят о своей высокой научности. Однако то, что имело смысл со времен Пифагора до позднего Ренессанса, утратило его в наши дни. Уверения нынешних адептов, в частности, астрологов, в том, что род их занятий наделен правом называться наукой (см.: [Формула вашего счастья и здоровья]) не в меньшей степени, чем современные астрономия, физика, химия, способны вызывать лишь улыбку. По отношению к современному научному знанию эзотеризм, претендуя на научность, однозначно попадает в разряд «лженауки». Нынешняя наука далеко ушла от того образа самой себя, который наличествовал в

европейской культуре в XVI в. и которому, в принципе, эзотерическое знание было близко. Вспомним, что еще Рене Декарт, родоначальник новоевропейского мировидения, потратил немало времени и сил на поиски таинственных розенкрейцеров; симпатизировал им также и создатель нового научного органа Фрэнсис Бэкон, а Исаак Ньютон увлекался алхимией и астрологией. Но если эзотеризм и может считаться наукой, то только в старом, додекартовском, добэконовском, доньютоновском, смысле этого слова. Эта «наука» родственна скорее искусству, чем нынешним естественным и гуманитарным дисциплинам, «наука», содержащая информацию об «основных законах мироздания». Именно такой образ эзотеризма-как-науки был принят в различных эзотерических кругах, включая масонские, которые отнюдь не спешили и не спешат заниматься строгими научными экспериментами в духе современных технологий. Природа эзотерического знания останется совершенно непонятной без уяснения того факта, что оно по сей день, непрерывно продолжает традицию, сложившуюся задолго до революционной мировоззренческой ломки XVII в. (а отчасти и подготовившую ее: [Йейтс 1999]).

***

Специфика эзотерического знания в первую очередь определяется оппозицией «откровенное – сокровенное». Впрочем, применительно к эзотеризму, оппозиционность этих элементов оказывается мнимой: то, что проявляется как «откровение» с одной стороны, есть «сокровенность» с другой. Именно эта двуединая пара отделяет эзотерическое знание от любого другого знания, автоматически попадающего тем самым в разряд «экзотерического». Первоисточник получения основополагающей для эзотериков информации, равно как и сама такая информация, считаются ими настолько значимыми, что это дает им право проводить водораздел между теми, кто был допущен к этому источнику, и всеми остальными. Источник эзотерического знания (будь то высший Бог, олимпийские боги, безличный Эйнсоф, махатмы, Гей-Земля и т. д.) обнаруживает себя в виде внерационального *откровения*, принимающегося адептами без возражений, сразу и целиком. Откровение накладывает свой отпечаток на все эзотерическое знание. На территории эзотерического знания мы видим оба элемента двуединой пары, как две стороны одной медали: ниспосылаемое первоисточником откровение, достигая нужного адресата, окружается непроницаемыми границами (это необходимое условие для консервации высшего сообщения), которые делают его сокровенным, мистериальным, тайным. Приобщение к этому «сокровенному откровению» намеренно затруднено хранителями границ, сооружающими серии различных фильтров (например, очищения и испытания). Порой уже в самом откровении содержатся указания на необходимость такой демаркации [*Kulārṇava-tantra* (П. 6) 1917, 17]. Приобщением к откровению является посвящение, которое можно понять как полный отказ от суждений на основе экзотерического знания.

То, что ниспосылается трансцендентным источником в откровении, есть особого рода *знание*, формирующее самую основу и весь смысл эзотерического комплекса. Но само это знание оказывается ввергнуто в пучины глубочайшего и неустранимого парадокса: первоисточник знания находится в самой сердцевине знания, и в то же время он является главной целью познания. Итак, источник знания и целенаправленность знания в эзотеризме совпадают. Это первый и наиболее важный, глубинный уровень эзотерического герменевтического круга. Для того чтобы отличить такое знание от рассматриваемого нами эзотерического знания в целом, назовем его *гнозисом* – условно, делая поправку на то, что далеко не все эзотерики используют именно это слово. Гнозис – квинтэссенция эзотерического знания, знание, обращенное на самое себя, и именно через себя рассматривающее окружающий мир. В силу того, что в гнозисе объединяются субъект и объект знания, эзотерик, познавая источник гнозиса, познает и себя, и всю природу вещей.

Наличие гнозиса в ядре эзотерического знания имеет для носителя такого знания крайне важные последствия, прежде всего *сотериологические*. Именно гнозис служит основным средством спасения (освобождения) адепта-эзотерика. Без гнозиса не сможет даже появиться мысль о необходимости спасаться, а если она и появится, то неизбежно приведет к ложным, а порой и губительным, действиям, с точки зрения эзотерических нормативов. От чего же освобождается адепт? В первую очередь от неправильных интерпретаций действительности, из-за чего он с духовной точки зрения «спит» (см., например: [Йонас 1998, 83]) или «находится в тюрьме» [Успенский 1999, 41]. Эти ложные интерпретации, «естественно», влекут за собой привязанность к материальности, телесности, чувственности. Органы чувств и примыкающий к ним рассудок плетут сеть, в которую попадает обыденное сознание, интерпретирующее мир согласно ограниченному чувственно-рассудочным стереотипам; эзотерик же, опираясь на гнозис, учится тому, как разорвать эту сеть и вернуться на свою исконную родину [Йонас 1998, 101]. Если использовать метафоры Платона и кашмирской тантрической философии, эзотерик должен «вспомнить» или «узнать» то, кем он является на самом деле. Ставки на гнозис в этой «игре» достаточно высоки, если учесть всю серьезность эзотерического подхода. Достигаемое с помощью гнозиса освобождение мыслится окончательным и бесповоротным: в прежний мир освободившийся эзотерик не вернется никогда – только если это возможное возвращение не будет продиктовано какой-нибудь особой миссией.

Важным элементом, формирующим содержание эзотерического знания, является установка на *единство и тождество* различных сторон действительности. Беря на вооружение архаичную схему микро- и макрокосмических соответствий, эзотерик рассматривает все мироздание как целостный универсум (хотя при этом он и может расценивать его негативно, как в гностицизме), преисполненный живых, творческих связей на всех своих этапах. Эти связи пронизывают не только внешний (относительно человека)

мир, но и весь внутренний мир человека. Эзотерик мыслит аналогиями, его знание изоморфно. Формула «Изумрудной скрижали» о соотношении «верха» и «низа» обеспечивает программу для «великого делания»¹; астрология рисует причудливые ряды соответствия планет и металлов, животных, растений, частей человеческого организма, географических регионов (см., например: [Агриппа 1992, 38–47; Птолемей 1996, 113–118]); пифагорейское учение находит связи между числами и человеческими достоинствами; протокаббалистика «Сефер йецира» ставит во взаимосвязь божественные буквы и вещи эмпирического мира, и т. д.

В контексте функционирования подобной эзотерической установки максимально широко используется генерализация качеств объектов, отвлекающаяся от мелких частных, а также опускание тех неудобных различий между ними, которые могли бы привести к созданию непроходимых барьеров, препятствующих концептуальной стройности картины мира. Кстати, именно в силу того, что в разных эзотерических школах существуют свои излюбленные виды генерализации и опусканий, возникают и разночтения применительно к одним и тем же объектам. Так, один и тот же географический регион у разных астрологов будет соотноситься с различными знаками Зодиака², а под «первоматерией» разные алхимики понимают десятки самых разных, несходных вещей.

Как и все люди, эзотерики имеют дело не с действительностью *par excellence*, а с образом действительности, содержащимся в их сознании. Эзотерическое знание, функционирующее по принципу аналогии, позволяет своим носителям интерпретировать этот образ, используя такие элементы, как *интуэмы*. Мы понимаем под интуэмой особую когнитивную единицу, служащую целям интерпретации. Интуэма есть неотъемлемая часть интуирования как процесса «рационально-иррационального» схватывания действительности. Интуэма – это не строгое, однозначное понятие, не рациональная категория, но в то же время это и не некий художественный образ, метафора или символ. Или, скорее, это *и то и* другое. Интуэма находится как бы на стыке продуктов логического познания и иррационального вдохновения. Особенностью интуэмы является схватывание означаемого ею объекта одновременно в его синхронии и диахронии; означаемое при этом погружено в нечто вроде облака, содержащего одновременно весь спектр возможных значений. В этом «облаке значений» отсутствуют отчетливые границы, хотя это не значит, что они совсем не ощущаются. Интуэнт – тот, кто использует интуэму – способен совершенно уверенно (для себя) интуировать-интерпретировать означаемое. Однако при передаче сообщения в виде интуэм другим лицам у

---

¹ «Quod est inferius, est sicut quod est superius, et quod est superius, est sicut quod est inferius». См. один из возможных переводов: [Высокий герметизм 2001, 24].

² Например, согласно Марку Манилию, Скорпион управляет Италией, тогда как, согласно Клавдию Птолемею, этой страной «заведует» Лев. У Манилия Испанией управляет Козерог, а у Птолемея – Стрелец, и т.д. [Манилий 1993, 115; Птолемей 1996, 118].

него могут возникнуть проблемы, поскольку навыки интуирования у людей обычно не совпадают; тем более если одна категория привыкла свободно оперировать интуэмами определенного плана, а другая – нет. Вообще, для прагматики передачи интуэм в гораздо большей степени, чем для обычного понятия, характерно личное отношение и переживание; интуэма с трудом поддается выходу на общезначимый уровень. Адепты эзотерических традиций придают огромное значение правильному пониманию интуэм. В этом смысле посвящение неопита представляет собой сонастройку с уровнем интуэнтов, составляющих данное эзотерическое сообщество и развивающих соответствующую эзотерическую культуру.

Интуэмами оказываются астрологические планеты и алхимические философские ртуть, сера и соль, каббалистический Эйнсоф и тантрическая шакти, бемевские «жесткое», «мягкое», «горькое» и т. д. В феномене интуэм, таким образом, отчетливо проявляется присущее эзотерикам стремление к стилю, переплетающему мистико-символическое и дискурсивное, рациональное и нерациональное. Ярким образцом такого переплетения является прикладная эзотерическая «наука» – нумерология. С одной стороны, она оперирует рациональными математическими единицами, следующими друг за другом в строгой последовательности, но, с другой, эти единицы оказываются порождающими сущностями, «корнями вещей» и нравственных характеристик. Кроме того, они сопоставляются с буквами того или иного алфавита, манипулируя которыми, эзотерики-нумерологи уверенно судят о характере или судьбе какого-либо человека или целой страны. Таким образом, рациональные инструменты служат иррациональным целям.

Не имеет смысла упрекать эзотерическое знание в противоречивости или несистематичности. Оно будет таковым, повторимся, только относительно современных научных стандартов. На самом деле в нем наличествует особая логичность и определенная систематичность – которую можно было бы назвать «симметричной систематичностью с эстетическим уклоном». Эзотерики любят использовать различные кодовые формулировки и так называемые «священные числа» (1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12 и др.), моделируя с их помощью действительность и придавая ей эстетический характер. А priori полагается, что числовой символике подчиняются все элементы мироздания. Допустим, в теософии есть интуэмы семи коренных рас, которые обязательно подразделяются на семь субрас, ни больше и ни меньше, причем порядковый номер очередной доминирующей на новом эволюционном этапе расы совпадает с номером субрасы прежнего эволюционного этапа [Паври 1997, 371]. Теософы исповедуют и систематику семи «планов бытия», соотносящихся с семью видами материи [Там же, 130] и т. д. Далее, согласно «закону трех сил» Гурджиева, на уровне каждого нижестоящего мира в строгой прогрессии умножаются силы, влияющие на него: в мире 5 (планеты солнечной системы) действует 24 «закона»-силы, в мире 6 (Земля) таких законов уже 48, в мире 7 (Луна) их становится 96 [Успенский 1999, 113]. Примеры такого рода можно умножать до бесконечности. Все они показывают, что в универсуме, моделируемом эзотериками, царит строгая

симметричность и иерархичность. Для каждой вещи отведено конкретное место в общем порядке эзотерического мироздания, выделены функции и расписаны связи с другими вещами. Здесь все соразмерно, логично и эстетично. Упорядоченные структуры эзотерики обнаруживают даже в Первоисточнике: имена власти (каббала) или чистые первостихии³. Именно такая систематическая симметричность преобладает и в когнитивных настройках эзотерического знания. Поэтому было бы неверно полагать, будто эзотеризм покровительствует некой хаотической спонтанности и сам представляет собой хаос. Напротив, хаос – страшный враг упорядоченного эзотерического знания, и на основании различных эзотерических учений можно сделать вывод о том, что их последователи считают: как раз наоборот, только в экзотерических учениях доминирует хаос и бесцельность, в эзотерическом же мировидении они полностью снимаются.

Очевидно, что знание, базирующееся на откровении, невозможно пропустить через строгий фильтр эксперимента. Эзотерическое знание принципиально противится эксперименту, оно *антиэкспериментально*; и сам его уход с авансены европейской культуры в XVII в. был прежде всего обусловлен невозможностью внешней, независимой экспериментальной проверки. Эксперимент мы понимаем как доступное всем желающим, при определенных навыках образования, манипулирование соответствующими веществами. Но в эзотеризме это невозможно в силу ограниченности доступа к эзотерическому знанию и завязанности на систему личных авторитетов. Или ты принимаешь без возражений, сомнений и проверки источник откровения и все, что связано с этим, или тебя просто не принимают в свои ряды. В данном случае даже те эксперименты с веществами, которые производили, допустим, алхимики, не меняют общего положения дел: алхимики разделяли основные, базовые идеи, без возражений принимая, например, представление о первостихиях и первоматерии, философской ртути и сере, а начиная со Средневековья – идею философского камня. Различия касались соположения этих и других интуэмов с реальными материалами, но в самом фундаменте своего знания алхимики ничуть не сомневались. Эзотерическое знание сохранило (и сохраняет по сей день) приверженность многовековым технологиям моделирования мира с помощью интуэмов. А с самими интуэмами невозможно экспериментировать: их можно только созерцать и подбирать под них те или иные элементы действительности.

Эзотеризм не одинок в своем неприятии эксперимента. Точно так же сопротивляется экспериментальной проверке и искусство; в противном случае оно вырождается. В то время как эксперимент предполагает возможность своей воспроизводимости и повторяемости при одинаковых условиях, искусство утрачивает само свое название и суть, когда его произведения ставятся на поток повторений. Повторы в искусстве (если только это не обусловлено отчасти художественными задачами) суть плагиат

---

³ «Элементы есть даже в Создателе мира» [Агриппа 1992, 17].

и эпигонство; и аналогично этому эзотерические проекции на действительность по-своему уникальны и неповторимы. Еще Ириной Лионской, осуждая гностиков за «лжеименное знание», отмечал, что «каждый день каждый из них открывает что-то новое» [Йонас 1998, 58]: но такова уж творческая стихия эзотерического, в которой рождаются и умирают многочисленные модели интерпретации, и в которой одни наборы интуэма сменяют другие.

Таким образом, мы видим, что эзотерическое знание для его носителя совершенно самоочевидно и бесспорно. Оно аксиоматично, а не доказательно; декларативно, а не процедурно по своей сути. Оно не подвергает сомнению ни авторитетность Первоисточника, пославшего гнозис в откровении, ни авторитетность выдающихся наставников, обессмертивших себя своими трудами. Сомнение вообще нехарактерно для эзотерического знания. Ведь оно тормозило бы слаженность эзотерического механизма, затруднило бы эффективность практики и оказалось бы помехой освобождению.

Как соотносятся друг с другом эзотерическое и экзотерическое знание? Сразу оговоримся, что сама природа «экзотерического» знания останется за бортом нашего рассмотрения в силу полной неясности данного понятия (ибо это такая же интуэма, как многие другие эзотерические интуэмы); скажем лишь, что все, находящееся за гранью эзотерического откровения, автоматически попадает в этот разряд. Собственно, именно эзотерики нуждаются в возведении таких баррикад, и поэтому водораздел, о котором могут совершенно не ведать те, кого заочно называют «профанами», проведен именно ими, эзотериками. Эти отношения достаточно специфичны, потому что, несмотря на неусыпный контроль над проведенными границами, последние отнюдь не закрыты наглухо. Эзотерическое знание постоянно нуждается в своем alter-ego, для того чтобы границы не утрачивали четкость, а носители такого знания – свою элитарную самоидентификацию. Ведь при ослаблении границ эзотеризм попросту исчезает. Однако парадокс состоит в том, что эзотерическое знание постоянно черпает материал для своих интерпретационных схем из «внешнего» мира. «Экзотерическая» наука дает им немало полезного, при этом продолжая оставаться объектом высочайшего эзотерического презрения. Например, теософия Блаватской, рерихианство, антропософия Штайнера берут немало сведений из «материалистической» науки и, указывая этой науке на ее «низкое» место, переинтерпретируют эти сведения в угодном им духе⁴. Рене Генон и Юлиус Эвола, жесткие критики современной антитрадиционной цивилизации, сами используют способы подачи материала, логические выкладки, терминологию, присущие критикуемой ими цивилизации. Появляющиеся в науке новейшие идеи или гипотезы мгновенно перекачываются в эзотерические системы и успешно используются ими, несмотря на возражения официальной науки – можно вспомнить идею «торсионных полей» [Тихоплав, Тихоплав 2002, 160–161].

---

⁴ Ср. критику востоковедения в «Тайной доктрине»: [Блаватская 1991, т. I, 14 и сл.]

Поэтому эзотерическое знание только на первый взгляд выглядит жесткой и замкнутой системой. Такая жесткость – просто сознательный способ самосохранения эзотеризма, и она возникает в ответ на экзотерическое «покушение» на сакральную когнитивную территорию. Когда нарушитель изгоняется, неприкосновенность границ восстанавливается. Но в отсутствие опасности подобных вторжений носители эзотерического знания вполне открыты для поисков дополнительных смыслов в экзотерических нишах. И эзотерики довольно легко переходят рубежи, потому что граница между эзотеризмом и экзотеризмом охраняется только с одной стороны. Таковы описанные Ф. Бэконом в «Новой Атлантиде» утопические ученые из Соломонова дома, в целях сбора информации тайком подбирающиеся к далеким экзотерическим землям [Бэкон 1971, 208], такова позиция Гурджиева, полагающего, что в периоды великих потрясений эзотерики имеют полное право «подбирать» знание, которое «роняют» профаны [Успенский 1999, 52]. Поэтому точнее будет сказать, что эзотерическое знание – парадоксально устроенная открыто-замкнутая система, тесно связанная с экзотеризмом и зависящая от него.

Эзотерическое знание уникальным образом сочетает приверженность архаичному мифологическому мышлению с открытостью ко всему новому. Эта открытость, с одной стороны, ломает традиционные взгляды, но с другой, служит лишь материалом для очередной трансформации интерпретационных схем. Динамическая пластичность эзотерического знания в его противостояниях с экзотеризмом причудливо контрастирует с декларативной обращенностью к неизменным образцам «золотого» прошлого и опорой на незыблемые авторитеты.

ЛИТЕРАТУРА

Kulārṇava-tantra / Ed. by *Tārānātha Vidyāratna*. London, 1917 (Tantrik Texts, Vol. V).

Агриппа Г. К. Окультизм и философия. М., 1992.

Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии. В 4 т. Т. I. Космогенезис. Л., 1991.

Бэкон Ф. Новая Атлантида // Утопический роман XVI – XVII вв. М., 1971. С. 193–226.

Высокий герметизм. СПб., 2001.

Йейтс Ф. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999.

Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998.

Манилий М. Астрономика (наука о гороскопах). М., 1993.

Паври П. Теософия в вопросах и ответах. М., 1997.

Птолемей Клавдий. Математический трактат, или Четверокнижие // Знание за пределами науки. Сост. и общ. редакция И. Т. Касавина. М., 1996. С. 92–129.

Тихоплав В. Ю., Тихоплав Т. С. Физика веры. СПб., 2002.

Успенский П. Д. В поисках чудесного. М., 1999.

Формула вашего счастья и здоровья // Санкт-Петербургская
астрологическая академия // [электронный ресурс]:
<http://www.astroacademy.spb.ru/text/happy.html/>